

ЗЕМЛЯ РАЗДОЛЬНАЯ

Солнце уже встало. По увлажненной росой дороге катил «сельский вездеход» — зеленый легковой с брезентовой кабиной — «ГАЗ-69». Подпрыгивая на ухабах, вырвая в ложбину, он шел на большой скорости.

За рулем — краснощекий, бородатый, с глубоким шрамом на лбу мужчина лет тридцати семи-восьмидесяти. Крешким, упругим мускулам, кажется, тесно в рукавах рабочей тулупки. Машину он ведет легко, уверенно.

Рядом сидит молодой парень в военной гимнастерке и пилотке. У него настороженное лицо, полные любопытства глаза. Он то и дело поднаезает взглядом к безлюдным просторам, в бескрайнюю степь, в доли.

— Хорошо тут, — сказал парень, разводя руки в стороны.

— Да, гордиться мы теперь хлебами. А вот в пятидесят четвертом, брат, не только этот «газик» не ходил, тут... лишь воли были. Пустота, как на луне... И, вот приехали с нами некоторые. Того нет, сего нет. В палатках нам неудобно, кино не показывают, хлеб больно черствый. Ну, к осени и смыслись... наиболее неустойчивые элементы.

«Газик» прыгнул на ухабе, водитель уменьшил скорость, пригнул от самодельной заминки.

— Не скрою я успокаивать тебя не буду, — хватили мы в первую зиму горюшка. Климат не привычный: буря, буря. Заносы такие, что утром не вылезешь наружу. Едешь по степи, снег глаза прижигает, и думаешь: «Да тут не только пахать-сеять, тут жить невозможно!»

Водитель затихнул самосадом, выпустил струйку дыма, продолжал:

— А и весне подошла техника, да так заходили тракторы по этим землям, что испуганные воли — бежать, птица — в небо, суслики — в норы. Нам загудело, загрохотало! Бывало, тракторист утром позабывает на стане, запустит машину — и нет его. Только и вечеру возвращаются обедать и ужимать сразу. И сколько он вспахал? Одну бороздку. А для-на-то этой бороздки, знаешь, какая? Десятки километров! Вот как! Земли тут сколько, сам видишь, — дух захватывает...

Водитель помолчал. Он чувствовал, что подутьки ждет продолжения его рассказа.

— Наступила пора урожая. Будет, аль нет? Был! Сняли! Рада-да! Будто мы плывем новую открыли... Строители тем временем поселки мастерили, монтеры электротрассы таяли. Наступившую зиму в новых домах встретили. Когда на твоих глазах из ничего вырастают первые поселки, городки, себя счастливым считаешь, самым счастливым!

«Газик» тем временем проносился по деревням.

— Это колхоз имени Шевченко, — кивком указал водитель.

— Каждый в прошлом году здесь заработал по 20—25 рублей на трудовые, а в прошлом году на небольшую семью в среднем получалось до тысячи и выше. Вот я покумекаю, какой получили доход! Да

Группа артистов московских театров побывала на целинных землях. Они дали для целинников десятки концертов, встречались с ними в клубах, на полях, в ставах.

Среди покорителей целины есть и бывшие авиаторы. О некоторых из них и рассказывает участник артистической бригады актер Малого театра Борис Попов.

зерном, да овощами! А этот колхоз в районе лишь четвертое место занимает.

Парень давно перестал смотреть по сторонам, он не сводил глаз с водителя. На его лице появилось любопытство. Он о чем-то глубоко задумался. Слушая, парень то улыбался, то становился серьезным. Понимая удивительно простым, но таким гордым и убедительным рассказом о «завоеванной земле», он слушал и слушал. Это было очень важно: бывший военный приехал сюда жить, работать. И сейчас ему вдруг захотелось быть таким же, как вот этот, со шрамом на лбу, в засаленной серой тулупке мужчина.

А тот, видимо, уловил «реакцию новичка» и, чувствуя, что убеждает его, старался высказать все, что накопилось у него почти за пять лет жизни в этом краю.

— А ты думаешь, здесь земля только урожайная? — продолжал водитель. — Э-э, нет! Я тебе об этом только потому, что сам агроном и земля — мое кровное дело. А если поговорить о промышленности, о полезных ископаемых: — золото — пожалуйста, асбест — пожалуйста. Руды такое количество, что считать трудно. Совсем, кажется, недавно летчик Соколов открытие сделал. Летел над этим краем, чуть южнее, чем мы сейчас. Смотрит, что такое? Приборы как зашатали, зашатали. Магнитная стрелка компаса дергала... и застыла. Пилот — в яблках, сделал круг. Второй. Двумя стрелками Увеличил радиус. Опять то же. Засел место. Доложил. Послали геологов-разведчиков. Оказался целый бассейн железной руды. Была пустыня — сейчас там город в 45 тысяч населения! Пятиэтажные дома, школы, дома культуры, кино, своя обогатительная фабрика. Соколовско-Сарбайские рудники дадут не только, республике, а всей стране руду! Вот, брат, какие дела у нас! Летчик Соколов удостоен Ленинской премии. Заслужил, прямо скажу, заслужил человек.

— Ты... агроном, говоришь? — вдруг спросил парень в военной гимнастерке.

— Ага...

— А я думал... — приезжий задрожал. Он даже толком не знал, что он думал... от мыслей голова шла кругом. Шутка делалась в шутку. «Что там, как там?», — думалось. Ничего неизвестно, только и шла на эту славу народная песня! «Степь да степь кругом». И, этот человек, который везет его на «попутке» с вокзала, сразу будто открыл

глаза, словно оживил эту степь, лежащую перед ним, бегущую бесконечной равниной ему навстречу. А кругом хлеба, хлеба, хлеба. Водитель помог разглядеть ее пристрастнее и подробней, дал еще раз почувствовать, как он, уволненный в запас солдат, нужен здесь. Тут столько дел, столько возможностей! А агроном продолжал:

— Эта земля, скажу я тебе, — земля коммунизма. У нас здесь до изобилия — рукой подать. Видишь, какие хлеба! Морев... океан! И скуке тут места нет.

— Чувствую, согласился парень. Глаза у него горели, и сам он как-то весь преобразился.

— Тебя как звать-то? — спросил водитель.

— Василий... Крутинин... А тебя?

— Павлом...

— А по батюшке? — Михайловичем. Костиковым величают... Будем знакомы... Сам-то откуда?

— Из Брянска.

— Я из Воронежа... Специальность-то есть?

— Хочу в совхоз податься. Я только из армии, в авиации служил.

— Механик? — воскликнул агроном.

— Механик... — Машину вдруг резко дернул и остановил. Агроном саял тяжелые руки с «баранки» и бросил их на плечи парню.

— Вот встречал — засмеялся агроном трясно и раскатило. — Я сам — бывший летчик. В войну на бомбардировщике Фрише был. Под Курском. Крепко был. Потом попал в загон: четыре «мессера» напали на нашу машину. И угадали. Крыло пробило. Летели над полями противника как раз. Посидели весь бомбовый груз и — на посадку. Метрах в ста от передовой машина пошла резко на снижение. Выбросились из самолета, как могли. Спасло болото. Очутился в лазарете. Во лбу рана. (Как бы в доназательство своих слов, Костилов почесал лоб). Отправил в тыл. Поправился, но летать уж не мог. Оставили при аэродроме. Перекалифицировался, стал авиатехником. После войны ушел в Воронеж на агронома и вот махнул сюда...

Костилов как-то повеселел. Он снова ехал в «баранку» и погнал машину с еще большей скоростью. А Вася был счастлив.

— Сразу видно, что пилот, — улыбнулся он, — машину ведешь правильно!

— Правильно, что ты сюда приехал, — продолжал мысль Крутинин Костилов. — Маловато еще здесь бывших авиаторов. Это же золотой народ! Техники, как мать подавай, любят. А в нас здесь техника, знаешь, сколько? Э-ге-ге! Шагу не шагнешь без техники. Тракторы, комбайны, бульдозеры, экскаваторы, опять же агроавиация!

Бывшие авиаторы разговаривали, как старые друзья.

Костилов снова потер ладонью лоб и спросил:

— Среди уволенных в запас, небось, и дружки есть?

— А как же! Вас, брянских, и то человек десять.

— И адреса знаете?

— Знаю!

— Слушай, Вася! Напиши им, пусть сюда приезжают! Ведь спасибо скажут.

— А что, можно. Вот устроюсь на работу, осмотрюсь и обязательно напишу.

Машина въехала на бугор, спустилась в балку, прогрохотала по бревнам мостика, брошенного через небольшую речку, и рокотала по широкой улице райцентра.

— Ну, вот, ты и дома, — сказал Костилов, выходя на слов «дома». Он подехал к двухэтажному зданию райкома и остановился.

— Иди, доложу, а вечером я тебе зайду, у нас разговоров хватит. — Костилов вытаскил из машины Васин чемодан и поставил на землю. Вася с радостью отдал:

— Обязательно!

«Газик» снова заурчал, рванул, и через минуту был уже далеко. Василий Крутинин стряхнул пыль, оправил гимнастерку и, взяв чемодан, пошел докладывать о прибытии.

Несколько дней спустя в окне одного из домов райцентра, куда приехал Вася Крутинин, далеко за полночь, горел свет. Склонившись над столом, сидел Вася Крутинин. Перед ним лежала стопка конвертов с разными адресами: он писал письма демобилизованным друзьям-однопольцам. Он знал их по целину!

В. ПОПОВ,
артист Малого театра.